

Анатолий Аврутин

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011г. присвоено звезде в созвездии Рака. Живет в Минске

ВДАЛИ ОТ РОССИИ...

ВДАЛИ ОТ РОССИИ...

Вдали от России
непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
вдали от России беречь.
Быть крови нерусской...
И русским являться при этом,
Катая под горлом
великую русскую речь.

Вдали от России
и птицы летят по-другому –
Еще одиноче
безрадостно тающий клин...
Вдали от России
труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
среди поседевших долин.

Вдали от России...
Да что там – вдали от России,
Когда ты душою
порой вдалеке от себя...

Дожди моросили...
Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России,
Россию любя?..

Вдали от России
круты и пологие спуски,
Глухи алтари,
сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»...
И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо
нерусских не знает границ...

* * *

Надежде Мирошниченко

Мне любезен рассвет...
И закатное солнце любезно.
Мне любезна коняга,
что мирно бредет в поводу.
Эта бездна без дна...
Мне любезна бездонная бездна,
Мне любезны синица
и горечь полыни во рту.

Раздаю всё, что есть...
 Ничего, от меня не убудет –
 На великой Руси и беспамятный
 помнит добро.
 Надо мной небеса... Где-то в небе –
 хорошие люди,
 Помолиться за них в час суровый
 совсем не старо.

Эге-гей... Небеса... Прогремите –
 а я вам любезен?
 Вы послали мне с ливнем ночные
 свои письма.
 Мы с бродячей собакой чужой частокол
 перелезем,
 И в саду очутимся, откуда всё небо –
 без дна.

Я голодному псу потреплю
 жестковатую холку,
 С благодарностью глянет заброшенный
 пес на меня.
 И тогда осенит, что бродил я и зря,
 и без толку...
 Бесплезно бродить мог
 до самого Судного Дня.

Но спасибо тебе,
 отворенное в полночь оконце, –
 В этот сад поднебесный,
 что воздух Отчизны сберег.
 Значит, скоро рассвет...
 Значит, снова дорога за солнцем –
 Птицам на проводах нипочем
 электрический ток.

* * *

«Ни души...»
Игорь Северянин

Не проще тени... Не светлей звезды...
 Не сумрачней обиженной дворняги,
 Не тише вековечной немоты
 И не живей рисунка на бумаге –
 Она парит, прозрачная душа,
 Уносится в трубу со струйкой дыма,
 С туманами ночует в камышах,

Везде жива, везде неуловима.
 Когда бредешь в раздумчивой тиши,
 Наедине с ночным небесным светом,
 Есть ночь и высь... А больше –
 ни души,
 Но всё душа, но всё душа при этом...

* * *

Гудки паровозов... Проблем миллион...
 Но я получал, хоть проказник,
 Конфеты «Ромашка»,
 конфеты «Цитрон»
 И «Мишка полярный» – на праздник.

Пока из разрухи вставала страна,
 Погибших запомнив едва ли,
 Мой батя нарочно не ел допоздна,
 Чтоб съели мы что-то вначале.

Все деньги у мамы... Но все-таки он
 Твердил: «Без подарка негоже!..»
 В кармане шинели – «Ромашка»,
 «Цитрон»
 И «Мишка...» – подавленный – тоже.

Все помнится – эта большая рука
 И килька с картошкой на ужин...
 Мы знали – родная страна широка,
 Нам берег турецкий не нужен...

Давно мое детство – не явь и не сон,
 Но в память вошли благодарно
 Конфеты «Ромашка»,
 конфеты «Цитрон»
 И «Мишка...»
 И «Мишка полярный»...

* * *

Детство... Палочки, буквы, счёты,
 Хитрый соседский кот.
 Папа скоро придет с работы,
 Мама блины печет.

С папой рядом – никто не страшен,
 С мамой – светлее свет.
 Есть морковь... И быт налажен.
 Жалко, картошки нет.

«Сам читаешь? Заплакал? Что ты? —
Девушка оживет...»
Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

Две липучки... А на карнизе
Ткет свою сеть паук.
«Вдруг к Октябрьским цены снизят,
«выбросят» масло вдруг?...»

Детство, где ты? В сто тысяч сотый
Раз про себя шепчу:
«Папа, папа, вернись с работы...
Мама, блинов хочу...»

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Железнодорожная больница,
Узкий мост от клуба Ильича...
И сегодня мне порою снится,
Как во тьме ограбленный кричал.
Как его бандиты били, били —
Где-то у больничной проходной...
На Товарной лампочки рябили,
Ну а там — лучинки ни одной.
Крик летел, дробя в просторе диком
Звезды, паровозные гудки...
Делались одним надрывным криком
Семафоры, дыма завитки.
Переулочек спал... Закрыты были
Сени в осторожные дома.
Лишь завывала женщина: «Убили...»
И в молчанье канула сама.
Крик летел, вздымаясь выше, выше,
Чтобы оборваться в лютый миг...
Но никто из домиков не вышел,
Ни один недавний фронтовик.
Только утром подписал бумагу
Наш сосед: «Не слышал ничего...»
И медаль болталась... «За отвагу»...
На груди могучей у него.

* * *

Морозец серебрит твоё дыханье,
Похожее на ветра колыханье,

Похожее на перышко лебедки,
Летающее в озерную лазурь...
И ничего не знаю я, о Боже,
Что было б так на истину похоже,
Как это серебристое дыханье,
Что защитит от мрака и от бурь.

Всё размывает время-невидимка,
А ты все смотришь,
смотришь с фотоснимка,
И веет пятипалую сиренью
От старой фотографии резной,
Где ты одна — заря и непогода,
Где ты одна — и утро, и свобода,
Где жажда серебристого дыханья
Вовек не станет жаждою иной...

Есть острый взгляд... Но есть еще
прозреньё,
Когда столетьем чудится мгновенье,
Когда поймешь в счастливую минуту,
Что до сих пор не понял ничего,
Что всё ушло — обиды, люди, лица...
Пусть только этот выдох серебрится,
Пускай парит над узкою тропею
Пока еще тропу не замело...

* * *

К сентябрю все реже редколесье,
Все прозрачней кроны тополей.
Сквозь прорехи в дымчатой завесе
Птичий клин острее и черней.

Шаг... Другой... Трава еще лоснится,
Хоть и порыжевшая на треть.
На стволах прозрачная живица
Всё спешит до стужи загустеть.

Постоишь... Подумаешь, что осень —
Это тоже время перемен.
Что кусты посохли... И что очень
Много боли в прозелени вен.

Что не все дожди отморосили,
Что не вся исчезла благодать,
Что еще пока хватает силы
О своем бессилии сказать...

ЖЕНЩИНА

Вот ты стоишь, недвижна, у окна...
 Пускай темно – с тобой светлее дали.
 О, женщина, прости мои печали!
 Но ты молчишь... И плачет тишина...

О, женщина! С беспамятных времен
 Тобой пьянились сильные мужчины.
 Прелестница,
 ты стольких войн причина,
 Что убиенных не смолкает стон.

И объяснить не сможешь ты сама,
 Всегда всеильна и всегда бесправна,
 О чем в Путивле плачет Ярославна
 И плачем сводит воинов с ума.

О, женщина! С молитвой проводи,
 Потом живи на черном пепелище,
 Где только очумевший ворон рыщет
 И каркает, что бездна впереди.

О, эта скорбь очей, где умер страх,
 Что не солгут, что любят – ненавядя.
 Я вот такие некогда увидел,
 Шепнул: «Тону...» И утонул в очах...

О, женщина! Я вечный пленник твой,
 Хоть ты всерьез твердишь,
 что повелитель.
 Пока ты есть – светла моя обитель,
 Хоть черный ангел вьется над трубой.

* * *

По хлипкой тропинке
 брести осторожно...
 Былое размылось...
 Выдумывать – лень...
 Неправда, что на сердце так же тревожно,
 А правда лишь то, что зачала сирень.

Неправда все эти слова о разлуке,
 О вечной судьбе, что одна на двоих.
 Неправда, что помнят озябшие руки
 Тревожащий трепет ладоней твоих...

Есть Черная речка, Нева и Непрядва...
 И дождь, что за шиворот нехотя льет.
 Есть Слово...

И всё остальное – неправда,
 А правда, что птицам сегодня в отлёт.

Неправда, что ждать остается немного –
 Закрутит, сломает, ударит под дых...
 А правда лишь то, что раскисла дорога
 Да ветер свистит в колокольнях пустых.

* * *

Звезда, исполненная мрака,
 Дитя измученных словес,
 Ты родилась, ты есть однако,
 Ты мчишь сквозь марево небес.
 И не светя, и поглощая
 Свечение иных планет,
 Летишь в сознание – ты иная,
 Подобных не было и нет.
 Иные пусть напрасно тщатся
 И освещать, и озарять...
 Ты с упоением святотатца,
 Ночному дворнику подстать,
 Их слабый свет во тьму сметая,
 Летишь – сама беззвучный мрак...
 В кромешной тьме – и тьма иная,
 Но и она не просто так
 Сменила звездных многоточий
 Всепоглощающий покой,
 Где ты летишь, как гений ночи,
 Как гений страшный и слепой.

* * *

...И голою грудью
 Отчизна коснулась меня,
 А я растерялся, привычный к тоске
 и безлюдью...
 Но пел жаворонок,
 трава набухала, звеня,
 И голую грудь я почувствовал
 голою грудью.

И прямо сквозь кожу вливались
 в голодную плоть
 Рябиновый воздух и звезды,
 упавшие в реку.

И сердце устало всю жизнь ожидать
и колоть,
Когда человечье шепнет
человек человеку?

Вилась паутина... Куда-то печаль
отошла...
Но травы звенели о скорой
и долгой разлуке.

И вещая птица
в реке полоскала крыла,
А в крыльях всё зрились
зовущие женские руки.

И стало тревожно стоять
среди шумного дня,
Схватясь за лицо, что,
казалось мне, стало безлико.
Так пепел не знает, что он –
продолженье огня,
Тиши невдомек, что она –
продолжение крика.

Куда ты, Отчизна, куда ты?
Я так изнемог!
Ты белою кожей от женщины
неотличима.
Туманится небо... На теле
саднящий ожог...
Уснувший огонь, обернувшийся
струйкою дыма...

* * *

Средь стольких ближних – близких
не видать,
Средь пишущих так мало
написавших...
И – высшим благом –
Божья благодать,
Не дав упасть, мешает встать упавшим.

Как это все в метаниях мирских
Становится напрасным и надмирным,
Когда есть ночь с купелью на двоих,
И тишина с дыханием эфирным.

Как это все становится тщетой,
Снежинкою в косом метанье света,
Когда ты здесь с единственною – той,
Чья чистота к прозрачности воздета.

Греховен ты... И в помыслах не свят.
Есть женщина и с ней – светлее дали.
Об остальном пусть птицы голосят
На рубеже бесчестья и печали.

* * *

Эта робкая сирость нищающих
тихих берез...
Снова осень пришла... Все опять
удивительно просто –
Если ветер с погоста печальные
звуки донес,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое
чрево погоста.

И собака дичится... И женщину
лучше не трожь –
Та похвалит соседку, потом
обругает её же...
И пошла по деревьям какая-то
странная дрожь,
И такая же дрожь не дает
успокоиться коже.

Только женские плачи все чаще
слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю,
не будет иначе –
Если в стылую осень я вдруг упаду
и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие
женские плачи.
Постоишь у колодца... Почувствуешь –
вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой
тяжелой.

Но успеешь услышать, как булькнет
у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила
над школой.

Вслед холодная искра в зенит
 вознесется, слепя
Обитателей теплых и похотью
 пахнущих спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь
 себя...
Да о чем сожалеть, если сам ты и хмур,
 и печален?

* * *

Глухари токуют в глухомани...
Пробубнив до самого темна,
Глухариха вскрикнет... И обманет...
Потому, что женщина она.

И к ночи в притихшем перелеске,
Где ты, зачарованный, стоишь,
Только тишь да этот свет нерезкий...
Свет нерезкий... И ночная тишь...

* * *

Чуть первые тени прорежутся из темноты
И лысые кроны в пруду
 затрепещут нелепо,
Кресты золоченые станут
 совсем золоты
И вспышкой застывшей почудится
 цвет курослепа.
Зеленым дыханьем наполнится
 чахлый пейзаж,
Рассадят по веткам галчат
 суетливые клены.
И встанешь... И вздрогнешь...
 И все, что имеешь отдашь
За галочий крик и над церковью
 крест золоченый.
Пустые хатенки... За Храмом
 и дали пусты...
И заново ловишь куда-то
 пропавшие звуки.
И женщина рядом... И с ней уже можно
 на «ты»,
А значит и можно страдать
 внапряг
от грядущей разлуки.

Господь не поможет – о зрящем
 его не проси!
В ладони – ладонь... И грядущим
 терзаться нелепо.
В реке под мостками упрямо
 шныряют язи,
Пуская сквозь жабры разлукой
 дрозящее небо.

Пройдемся немного... Тебя провожу
 до угла...
А там, не начавшись, конец и любви,
 и тревоги.
Но птица вспорхнула и клювом простор
 подожгла,
И пух с тополей... И ребенок стоит
 у дороги...

НЕМОЕ КИНО

«Варяг». Лаун-теннис. Немое кино.
Шляпин. Меха для великой княгини.
Сочельник. В соборе народу полно.
В трактире
 «Бордо» подают к осетрине.

Участок. Напыщенный городской.
Есенин. Немое кино. Футуристы.
Свинцовый закат над свинцовой Невою.
Бордель. Гимназисточки.
 Кучер плечистый.

Распутин. «Аврора». Немое кино.
Горячая мимика Веры Холодной.
Троцкисты. Кронштадт.
 От бушлатов черно.
М.Горький насупленный,
 в шляпе немодной...

Ну, кто теперь помнит
 про крейсер «Варяг»,
Про Веры Холодной наивный страсти,
Когда и «Аврору»-то вспомнить –
 внапряг
И «мыло» киношное очи не застит?

Но где-то, задвинуты в угол, лежат
Немого кино скоротечные ленты.
Им снится тапёра восторженный взгляд,
Рыдания и долгие аплодисменты.

И молча кричат их герои о том,
Что жизнь – непонятная все-таки штука –
Ну, как же такое случилось потом,
Что все онемело от этого звука?

В марте 2016 года отмечают:

50-летие

Багдат ТЕЛТАЙ, поэт

60-летие

Камал АЛПЕИСОВА, прозаик
Сериккали БАЙМЕНШЕ, прозаик
Мылтыкбай ЕРИМБЕТОВ, поэт

70-летие

Сатыбалды НАРЫМБЕТОВ, прозаик
Серик ТУРГЫНБЕКОВ, поэт

*Редакция журнала «Простор»
сердечно поздравляет юбиляров!*

